Н.Н. Ковтун,
доктор юридических наук, профессор

Конкретизация институтов и норм уголовного судопроизводства России посредством актов конституционного правосудия

Одним из наиболее дискуссионных вопросов теории российской науки является вопрос о правовой природе актов Конституционного Суда РФ[1]. Не дает прямого ответа на этот вопрос и ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». Если обобщить все многообразие мнений, высказанных в свое время по этой проблеме, то дискуссию, представляется, можно свести к следующим основным моментам: а) акты конституционного правосудия являются **нормативными актами (актами правотворчества)**[2]; б) это **судебные прецеденты**[3] или в) **правовые констатации**; г) это **решения преюдициального плана**[4]; д) они сочетают в себе **все или отдельные** из названных свойств[5].

В ходе полемики был также высказан тезис о том, что правовые позиции, выраженные в актах Конституционного Суда РФ, в контексте с особыми мнениями судей, во многом напоминают **правовую доктрину**[6], либо это своего рода правовые **обыкновения** (что особенно проявляет себя в решениях

---

[1] См.: Хабриева Т.А. Толкование Конституции РФ. Теория и практика. – М., 1998; Теория государства и права: Курс лекций. / Отв. ред. Н.И. Матузов и А.В. Малько. – М., 1997; Поленина С.В. Законодательная техника и судебный прецедент // Проблемы юридической техники: Сб. статей. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород. – 2000. С. 53-66; Селезнев Н. Конституционный Суд и уголовное судопроизводство // Автореф. дисс. …канд. юрид. наук. – М., 1999. 29 с.; и др.

[2] См.: Хабриева Т.А. Толкование Конституции РФ. Теория и практика. С. 10; Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // В кн.: Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. С. 41–42 и др.

[3] См.: Витрук Н.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Программа международного форума. Москва 26 апреля 1999 года. – М., 1999; и др.

[4] См.: выст. Т.Г. Морщаковой: Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы: Обзор научно-практической конференции // Государство и право. – 1997. – №5. – С. 8.

[5] См. по этому поводу: Лазарев Л.В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 3–13; и др.

[6] См.: Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права - судебном прецеденте и доктрине // В кн.: Судебная практика как источник права. – М., 2000. С. 91–97.

Суда по уголовно-процессуальным вопросам), которые приобретают значение своеобразных источников права[7].

Мы уже определяли наши подходы по сути каждой из этих позиций[8]. Повторяться в этих вопросах, вряд ли необходимо. Принимая акты конституционного правосудия в качестве непосредственно действующих источников российского уголовно-процессуального права, мы разделяем и (весьма продуктивное) суждение Б.С. Эбзеева о том, что толкование Конституции РФ, предлагаемое Конституционным Судом РФ, состоит в преодолении им неопределенности в понимании конституционных положений и, по существу, есть прямая **конкретизация** Конституции Российской Федерации[9]. В этом контексте считаем целесообразным, обратиться к анализу актов конституционного правосудия, принятых в последние годы и, по сути, конкретизирующих конституционно-правовой смысл ряда норм и институтов уголовно-процессуального права России.

Так, именно посредством правовых позиций Конституционного Суда РФ, высказанных в Определении №446-О от 5 декабря 2003 года[10], были конкретизированы нормы ч. 1 ст. 45 УПК РФ, согласно которым представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя в уголовном процессе могут быть исключительно адвокаты. Раскрывая истинный смысл конституционного права на защиту, Суд правильно определился в значимости этого вопроса для участников процесса, указав в итоге, что нормы ч. 1 ст. 45 УПК РФ, по идее, не содержат императивного предписания о том, что пред-

---

[7] См.: Лазарев В.В. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы совершенствование: Сб. статей. Т. 2. С. 48.

[8] См.: Ковтун Н.Н. Постановления Конституционного Суда РФ по уголовно-процессуальным вопросам: проблемы законодательной техники и практического применения // Государство и право. – 2001. – № 11 – С. 99.

[9] См.: Теория государства и права: курс лекций / Отв. ред. Н.И. Матузов и А.В. Малько. – М., 1997. С. 454.

[10] См.: Определение Конституционного Суда РФ №446-О от 5 декабря 2003 года по жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3. С. 62.

ставителями названных участников уголовного судопроизводства должны выступать исключительно адвокаты. Лишение названных лиц права обратиться за юридической помощью к тому, кто, по их мнению, вполне способен оказать квалифицированную юридическую помощь, фактически приводило бы к ограничению свободы выбора, к понуждению их использовать вопреки собственной воле только один, определенный способ защиты своих интересов и противоречило бы ст. 52 Конституции РФ.

Не менее значимой для обеспечения процессуальных прав потерпевшего явилась конкретизация Конституционным Судом РФ его прав, предусмотренных п. 1 ч. 2 ст. 42, ч. 8 ст. 162 и ч. 2 ст. 198 УПК РФ[11]. Проверяя конституционность названных норм, как не предусматривающих непосредственно право потерпевшего до окончания следственных действий знакомиться с постановлениями о привлечении в качестве обвиняемого, продлении срока предварительного расследования, постановлением о назначении судебной экспертизы и экспертными заключениями, если экспертиза проводилась не в отношении самого потерпевшего, Суд конкретизировал эти нормы, указав, что потерпевшему – в силу прямого действия норм ч. 2 ст. 24 Конституции РФ – должен быть предоставлен доступ к соответствующей информации.

В том же контексте Конституционный Суд РФ определил истинный смысл норм, содержащихся в ст. 165 и 203 УПК РФ, – ибо в своем конституционно-правовом, а не буквальном, истолковании, – они не предполагают право суда первой инстанции принимать окончательное решение по ходатайству следователя о помещении подозреваемого (обвиняемого) в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы без предоставления ему и (или) его защитнику возможности ознакомиться с таким ходатайством и изложить свою позицию по этому вопросу[12].

---

[11] См.: Определение Конституционного Суда РФ №430-О от 4 ноября 2004 года по жалобе гр. Старовойтовой О.В. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ч. 2 ст. 42, ч. 8 ст. 162 и ч. 2 ст. 198 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2. С. 36.

[12] См.: Определение Конституционного Суда РФ №194-О от 8 июня 2004 г. «По жалобе гр. Капустяна В.Н. на нарушение его конституционных прав ст. 165 и 203 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. №1. С. 65-68.

В плане обеспечения уголовно-процессуальных прав потерпевшего Конституционный Суд РФ конкретизировал и нормы ч. 8 ст. 42 УПК РФ, ранее неоднозначно понимаемые судебно-следственной практикой[13].

По одному из уголовных дел суд общей юрисдикции, ссылаясь на буквальные предписания ч. 8 ст. 42 УПК РФ, отказал в признании потерпевшей дочери погибшего, поскольку ранее такие права приобрела родная сестра погибшего. Двое же близких родственников, по мнению суда, не могут одновременно обладать правами потерпевшего. Конституционный Суд не согласился с подобным пониманием воли законодателя, ибо то обстоятельство, что в ч. 8 ст. 42 УПК РФ указывается на возможность перехода прав потерпевшего лишь **к одному** из близких родственников, само по себе не может рассматриваться как основание для лишения прав всех иных близких родственников. Как следует из ст. 45 ч. 1, 46 ч. 1 и 52 Конституции РФ, отказ в признании лица потерпевшим и в обеспечении его прав возможен лишь при отсутствии соответствующих оснований. Например, в случае, если права и законные интересы этого лица непосредственно не были затронуты деянием, в связи с которым ведется расследование или судебное разбирательство. Если же преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, никто из них не может быть лишен возможности судебной защиты.

Принципиально и то, что сам отказ в судебной защите (нарушенных) прав заинтересованных лиц традиционно признается Конституционным Судом РФ недопустимым, какие бы основания при этом ни приводились публичными процессуальными органами в обоснование такого отказа. Так, конкретизируя в ходе толкования Конституции нормы УПК РФ, связанные с процессуальными полномочиями тех или иных участников уголовного судопроизводства, Суд в целом ряде, принимаемых актов, по сути, кардинально меняет нормативное регулирование ряда уголовно-процессуальных институтов и норм, прямо указывая на то, что:

---

[13] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. №131-О по запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности ч. 8 ст. 42 УПК РФ // СЗ РФ. 2005. № 24. Ст. 2424.

- само по себе отсутствие в нормах ст. 402 УПК РФ указания на право обвиняемого обжаловать принятые в отношении него до постановления приговора и вступившие в законную силу постановления и определения суда первой инстанции о продлении срока содержания под стражей не может расцениваться как основание для лишения этого участника права на подобное обжалование[14];
- не только осужденному, но и другим лицам (в том числе обвиняемому, содержащемуся под стражей), чьи права затрагиваются проверяемым судом кассационной инстанции решением, должно быть обеспечено право довести до сведения суда свою позицию по обсуждающимся в ходе заседания суда кассационной инстанции вопросам путем личного участия в этом заседании или иным способом[15];
- положения ч. 3 ст. 125 УПК РФ не препятствует допуску представителя к участию в судебном рассмотрении жалобы потерпевшего на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора независимо от того, принимал ранее представитель участие в деле или нет[16];
- часть 4 ст. 354 УПК РФ с учетом ее конституционно-правового смысла не может рассматриваться, как препятствующая заинтересованным лицам обжаловать в кассационном порядке решение суда, затрагивающее их права, несмотря на то, что названные лица не включены законодателем в перечень субъектов кассационного обжалования, указанных в данной норме[17];

---

[14] См.: Определение Конституционного Суда РФ №62-О от 22 января 2004 года об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Чалова В.Л. на нарушение его конституционных прав положениями статей 10, 108, 109 и 402 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5. С. 5.

[15] См.: Определение Конституционного Суда РФ №61-О от 25 марта 2004 года по жалобе гражданина Дмитриенко В.П. на нарушение его конституционных прав чч. 2 и 3 ст. 376 Уголовно-процессуального кодекса РФ //Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. №5. С. 115.

[16] См.: Определение Конституционного Суда РФ № 431-О от 24 ноября 2005 г. «По жалобе гр. Саблина О.В. на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 125 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 2. С. 58.

[17] См.: Определение Конституционного Суда РФ № 119-О от 22 января 2004 года по жалобе гражданки Семеновой Л.М. на нарушение ее конституционных прав ч. 4 ст. 354 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. №5. С. 7.

- положения ч. 7 ст. 236 УПК РФ не исключают возможности заинтересованных сторон обжаловать в кассационном порядке решение судьи, принятое по итогам предварительных слушаний, в том числе по вопросу о направлении уголовного дела по подсудности в виду изменения прокурором в порядке ч. 5 ст. 236 УПК РФ обвинения, изложенного в обвинительном заключении (акте), поскольку иное бы являлось нарушением конституционного права личности быть судимым тем судом и тем судьей, к подсудности которых дело отнесено законом[18];
- лицу, в жилище которого был произведен обыск, в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ, должна быть обеспечена возможность непосредственно после производства обыска или после принятия судом решения о его законности или незаконности, еще до завершения, производства по делу, обжаловать как само это следственное действие, так и законность принятого судом решения. Что, в свою очередь, предполагает своевременное его уведомление о вынесенном судом решении, а также возможность ознакомления с его текстом. При этом по (конституционно-правовому) смыслу закона заинтересованными лицами может быть обжаловано и решение суда, вынесенное в порядке ч. 5 ст. 165 УПК, которым обыск, проведенный по правилам, не терпящим отлагательства, признан законным и обоснованным[19];
- часть 7 ст. 236 УПК РФ, несмотря на умолчание законодателя в этом вопросе, не может рассматриваться как основание для отказа в обжаловании и пересмотре принятого по результатам предварительного слушания судебного решения о возвращении уголовного дела прокурору[20];

---

[18] См.: Определение Конституционного Суда РФ № 252-О от 30 сентября 2004 г. «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гр. Е.Я. Янковского ч. 7 ст. 236 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. №1. С. 119.

[19] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2005 г. №70-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Дементьевой А.Б. на нарушение ее конституционных прав ч. 5 ст. 165 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. №5. С. 44.

[20] См.: Определение Конституционного суда РФ № 404-О от 20 октября 2005 г. «По жалобе гражданки Вержуцкой Л.Г. на нарушение ее конституционных прав ч. 7 ст. 236 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. №2. С. 19.

- положения ч. 5 ст. 246 и ч. 3 ст. 278 УПК РФ не дают оснований суду права допрашивать дознавателя и следователя о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым. Соответственно, они не могут быть восприняты как допускающие возможность восстановления содержания этих показаний[21];
- пункт 13 ст. 47 УПК РФ прямо закрепляет право обвиняемого снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, и не связывает возможность его реализации лишь с одной или несколькими стадиями уголовного процесса. В силу чего он не может расцениваться, как препятствующий заявителю получать копии материалов уголовного дела, с которыми он имеет право знакомиться в ходе предварительного расследования[22];
- статьи 133, 134 и 246 УПК РФ не содержат положений, исключающих возмещение вреда лицу, в отношении которого был вынесено постановление о прекращении уголовного преследования по реабилитирующему основанию, по той лишь причине, что одновременно это лицо признано виновным в совершении другого преступления. По смыслу закона, в таких ситуациях суд, исходя из обстоятельств дела, руководствуясь принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека и гражданина, может принять решение о возмещении частично реабилитированному лицу вреда, если такой был причинен в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства[23].

---

[21] См.: Определение Конституционного Суда РФ № 44-О от 6 февраля 2004 года по жалобе гражданина Демьяненко В.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 335 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5. С. 42.

[22] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2005 г №133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Ляшенко А.Н. на нарушение его конституционных прав п. 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5. С. 36.

[23] См.: Определение Конституционного Суда РФ №270-О от 20 июня 2006 г. по жалобе гр. Романова И.В. на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134 и ч. 7 ст. 246 УПК РФ, а также положениями ряда правовых актов, определяющих порядок возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 6. С. 22.

Каждое из названных положений прямо не предусмотрено законодателем в названных (выше) нормах и является следствием уточнения (конкретизации) его воли, обеспечивая в итоге системность нормативного регулирования и надлежащее обеспечение прав заинтересованных лиц в тех или иных принципиальных моментах процесса.

В ряде случаев требуют конкретизации и нормы, регламентирующие порядок (процессуальную форму) осуществления тех или иных процессуальных решений и действий публичных процессуальных органов. Усилия Конституционного Суда РФ в этом контексте не остались вне внимания, как законодателя, так и судебно-следственной практики, все более воспринимающей акты конституционного правосудия в качестве источников права.

Так, именно в результате конкретизации конституционно-правового смысла норм УПК РФ, связанных с регламентацией надлежащей процедуры: выемки документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях[24]; возможного обыска в помещении адвокатской фирмы[25]; выемки сервера в аудиторской фирме[26], законодатель Федеральным законом от 05 июня 2007 года №87-ФЗ кардинально изменил правовые основания производства названных следственных действий, допуская каждое из них только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 29 УПК).

В свою очередь, конкретизация норм ст. 18, 21 (ч. 1), 45, 46 (ч. 1), 52 и 118 (ч. 1), чч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, чч. 1 и 2 ст. 319 УПК РФ, нашедшая свое отражение в правовых позициях и итоговых выводах Конституционного Суда РФ, изложенных в Постановлении №7-П от 27

---

[24] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2005 г. № 10-О по жалобе открытого акционерного общества «Универсальный коммерческий банк «Эра» на нарушение конституционных прав и свобод чч. 2 и 4 ст. 182 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. №3. С. 117.

[25] См.: Определение Конституционного Суда РФ № 54-О от 2 марта 2006 г. по жалобе ООО «Аудиторская фирма «АристаЛюКС» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 75 и 183 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. №4. С. 38.

[26] См.: Определение Конституционного Суда РФ № 54-О от 2 марта 2006 г. по жалобе ООО «Аудиторская фирма «АристаЛюКС» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 75 и 183 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. №4. С. 38.

июня 2005 года[27], стала причиной тех законодательных изменений (названных норм), которые были введены в УПК РФ Федеральным законом №47-ФЗ от 12 апреля 2007 года.

О том, насколько значимой для правильной правоприменительной практики стала конкретизация норм, регламентирующих институт возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, написано, полагаем, достаточно[28]. И у нас нет оснований, не разделять эти подходы, ибо, по сути, именно посредством правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ, изложенных в Постановлении №18-П от 8 декабря 2003 года[29], названный институт обрел надлежащий, системно согласованный механизм реализации своих предписаний, в целом адекватно воспринятый судебно-следственной практикой и научной доктриной. Вместе с тем, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, казалось бы, исчерпывающе определившись в сути, предложенных законодателем норм и в своих подходах в вопросах оптимального функционирования данного института, Конституционный Суд РФ, по сути, нивелирует свои позиции в ряде последующих актов, принятых в контексте практически того же предмета правового спора.

Примером тому, Определение №57-О от 02 февраля 2006 года[30], где Суд, вступая в противоречие с ранее высказанными позициями, прямо указывает, что на случаи возвращения судом уголовного дела прокурору по осно-

---

[27] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. №7-П «По делу о проверке конституционности положений чч. 2. и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, чч. 1 и 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4. С. 38.

[28] Обзор позиций и мнений см.: Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации. Учебное пособие – Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. 296 с.

[29] См.: Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от 8 декабря 2003 г. по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1. С. 3.

[30] См.: Определение Конституционного Суда РФ № 57-О от 2 февраля 2006 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности чч. 2 и 5 ст. 237 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. №3. С. 108.

ванию, связанному с необходимостью устранения существенных неустранимых в судебном производстве нарушений закона, требование о соблюдении **пятидневного срока**, в течение которого прокурор обязан обеспечить устранение иных, указанных в ч. 1 ст. 237 УПК РФ препятствий к рассмотрению уголовного дела судом, распространяться **не может**. Несмотря на то, что Суд оговаривается при этом, что возвращение в такого рода случаях уголовного дела прокурору с последующим проведением по нему необходимых процессуальных действий не должно быть связано с решением задачи восполнения неполноты произведенного дознания или следствия, по сути, это «реанимация» достаточно известных полномочий следственных органов по делу возвращенному из суда для дополнительного расследования.

Весьма неожиданными, тем не менее, прогрессивными, по сути, выглядят контексты, в которых получили свою конкретизацию нормы, регулирующие процессуальную форму заседания суда кассационной инстанции, реализуемого по правилам ст. 377-378 УПК РФ. Отсутствие в ст. 377 УПК РФ прямого указания на необходимость протоколирования заседания суда кассационной инстанции, по мнению Конституционного Суда РФ (нами вполне разделяемом), не препятствует принятию соответствующим судом решения о необходимости ведения такого протокола. Это прямо вытекает из положений ч. 4 ст. 377 УПК РФ, предписывающей в случае исследования судом кассационной инстанции доказательств руководствоваться, в том числе, требованиями гл. 37 УПК РФ, определяющей порядок исследования доказательств в суде в суде первой инстанции. Одним же из обязательных элементов этого порядка в соответствии со ст. 259 УПК РФ, как известно, является ведение протокола судебного заседания, в котором подлежат отражению, в частности, результаты произведенных в судебном заседании действий по исследованию доказательств[31].

---

[31] См.: Определение Конституционного Суда РФ № 336-О от 12 июля 2005 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Бровченко С.В. на нарушение его конституционных прав ст. 377 и 388 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1. С. 87.

Таким образом, при оспаривании заинтересованными участниками кассационного определения они впервые получили возможность сослаться на конкретные обстоятельства, которые повлияли или могли повлиять на законность и обоснованность этого решения и нашли свое непосредственное отражение в протоколе судебного заседания, императивность ведения которого теперь прямо вытекает из исследуемого акта конституционного правосудия.

Конкретизирующими решениями Конституционного Суда РФ было ограничено и субъективное усмотрение следственных органов в вопросе о судьбе вещественных доказательств по уголовному делу[32]. Указывая, что пункт 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ в его конституционно-правовом истолковании не предусматривает возможность передачи или уничтожения изъятых из незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, приобщенной к уголовному делу в качестве вещественного доказательства **без судебного решения**, Суд, во-первых, защитил права собственников имущества, на которое наложен арест, от его уничтожения по субъективному решению следственных органов; во-вторых, поставил эту отрасль общественных отношений под независимый судебный контроль, обязав следственные органы доказывать и законность, и необходимость такого решения.

В том же контексте Суд указал, что передача на хранение вещественных доказательств не по гражданско-правовому договору, а по властному распоряжению органа предварительного расследования (прокурора), не может расцениваться как повод для отказа ответственному хранителю имущества в возмещении понесенных расходов, – иное представляло бы собой неправомерное ограничение его имущественных прав[33].

---

[32] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2005 г. № 97-О «По жалобе гр. Головкина А.И. на нарушение его конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, ч. 12 ст. 27.10 КоАП РФ и постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения о направлении на переработку или уничтожение изъятых из незаконного оборота либо конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5. С. 51.

[33] См.: Определение Конституционного Суда РФ №367-О от 8 ноября 2005 г. «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Маршалл» на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 131 и 132 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда

Таким образом, с принятием данного (конкретизирующего) решения Конституционного Суда РФ, непосредственно действующей стала норма о том, что эквивалентно-возмездный характер имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, означает, что даже при безвозмездном хранении поклажедатель обязан возместить хранителю произведенные им необходимые расходы на хранение вещи, если законом или договором не предусмотрено иное (п. 2 ст. 897 ГК РФ).

Приведенные примеры, безусловно, не исчерпывают собой всех ситуаций, связанных с конкретизацией тех или иных норм УПК РФ в актах конституционного правосудия. Да мы и не ставили перед собой этой задачи. Важной была лишь сама постановка проблемы и уяснение механизма возможной конкретизации воли законодателя, позволяющего оптимизировать процесс функционирования отраслевого законодательства.

Сведения об авторе: *Ковтун Николай Николаевич*; д.ю.н., профессор; профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала Государственного университета - Высшая школа экономики.

Ковтун Н.Н.: 603600, г. Н. Новгород, ул. Костина, д. 2-Б; т. р. (831) 416-93-35.

РФ. 2006. №2. С. 34.